

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.1>

UDC 81'42:159.942

LBC 81.055.1

Submitted: 22.03.2025

Accepted: 05.06.2025

DISCURSIVE APPROACH TO POLITENESS: EXPANDING THE PARADIGM

Tatiana V. Larina

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. Over the past few decades, the study of politeness has emerged as a separate field of interdisciplinary research that focuses on the analysis of language use at the intersection of pragmatics, discourse analysis, sociolinguistics, cognitive linguistics, intercultural communication, and other related fields. Although politeness is considered to be universal in nature, its manifestation depends on cultural context. Regular use of politeness strategies to achieve specific communicative goals forms dominant features of ethno-cultural communication styles which allow us to identify and systematize communicative patterns of different cultural groups, as well as trace the logic behind their communication. The study of politeness is a dynamically developing field which continues to evolve and attract significant interest from scholars. It has undergone several stages, each characterized by different approaches and perspectives. This article aims to briefly characterize the main ones and identify the benefits of a discursive approach to politeness. This approach has significantly expanded the research framework, showing that politeness and impoliteness are not absolute categories, but rather relative and culture-specific. Politeness and impoliteness are not determined by formal features but are instead evaluated by the addressee in a given context. They are related to both social and psychological aspects of communication, and the close relationship between emotions and politeness has led to the concept of “emotive politeness,” which focuses on the addressee’s feelings and provides emotional support. A discursive approach to politeness contributes to a better understanding of human communication and its variations in different social and cultural settings.

Key words: politeness, impoliteness, discursive approach, formality, informality, emotional communication, emotive communication, emotive politeness.

Citation. Larina T. V. Discursive Approach to Politeness: Expanding the Paradigm. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 4, pp. 5-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.1>

УДК 81'42:159.942

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 22.03.2025

Дата принятия статьи: 05.06.2025

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЕЖЛИВОСТИ: РАСШИРЕНИЕ ПАРАДИГМЫ

Татьяна Викторовна Ларина

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена категории вежливости, ставшей за последние несколько десятилетий самостоятельной областью междисциплинарных исследований, нацеленных на изучение функционирования языка, которые проводятся на стыке лингвопрагматики, дискурс-анализа, социолингвистики, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации и других смежных областей. Будучи универсальной по сути, вежливость этнокультурна с точки зрения ее реализации. Регулярное использование конвенциональ-

ных стратегий вежливости при выражении тех или иных коммуникативных намерений приводит к формированию доминантных черт этнокультурных стилей коммуникации, что позволяет систематизировать особенности коммуникативного поведения представителей различных культур и проследить его логику. Исследование вежливости является стабильно развивающимся направлением, в котором можно выделить несколько этапов, связанных с различными подходами. В данной статье кратко охарактеризованы основные из них и обозначены преимущества дискурсивного подхода, который существенным образом расширил исследовательскую парадигму. Он показал, что вежливость, как и невежливость, – это категории не абсолютные, а относительные, не только универсальные, но и культурно-специфичные; они не выводятся по формальному признаку, а определяются адресатом в конкретном ситуативном и социокультурном контексте и связаны как с социальными, так и психологическими аспектами коммуникации. Тесная взаимосвязь эмоций и вежливости позволяет говорить об «эмотивной вежливости», ориентированной на чувства адресата и оказание ему эмоциональной поддержки. Дискурсивный подход к изучению вежливости способствует более глубокому пониманию процесса коммуникации и ее вариативности в различных социокультурных контекстах.

Ключевые слова: вежливость, невежливость, дискурсивный подход, формальность, неформальность, эмоциональная коммуникация, эмотивная коммуникация, эмотивная вежливость.

Цитирование. Ларина Т. В. Дискурсивный подход к исследованию вежливости: расширение парадигмы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.1>

Введение

Вежливость, которая долгое время рассматривалась как составляющая речевого этикета и культуры речи, за последние несколько десятилетий стала самостоятельной областью междисциплинарных исследований, нацеленных на изучение функционирования языка в различных контекстах и жанрах. Они проводятся на стыке лингвопрагматики, дискурс-анализа, социолингвистики, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации и других смежных областей.

Интерес к данной категории не случаен, так как вежливость по праву считается регулятором коммуникативного поведения [Ларина, 2009], ключевым средством установления и поддержания межличностных отношений [Kádár, Haugh, 2013]. Она представляет собой сложную систему коммуникативных стратегий и тактик, нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание [Ларина, 2009, с. 167]. Вежливость пересекается с такими понятиями, как такт и политкорректность (см., например: [Иссерс, 2023; Леонтович, 2023; Leontovich, Nikitina, 2024]), и включает все те компоненты коммуникации, которые способствуют гармоничному общению.

Будучи универсальной по сути, категория вежливости является этнокультурной с точки зрения ее выражения (см.: [Eslami, Larina, Pashmforoosh, 2023; Kádár, Haugh, 2013; Locher, Larina, 2019; Mugford, 2020; Sifianou,

1992; Watts, 2003; и др.]). Знание стратегий вежливости, характерных для различных социокультурных контекстов, способствует пониманию и построению гармоничного общения в межкультурной коммуникации. Более того, регулярное использование однотипных стратегий вежливости при реализации тех или иных коммуникативных намерений приводит к формированию доминантных черт этнокультурных стилей коммуникации, что позволяет систематизировать особенности коммуникативного поведения представителей различных культур и проследить его логику [Ларина, 2009; Larina, 2015; и др.].

Исследование вежливости, начало которому заложили работы П. Грайса [Grice, 1975], Р. Лакоффа [Lakoff, 1973] и Дж. Лича [Leech, 1983], является активно развивающимся направлением, интерес к которому только растет. В нем можно выделить несколько этапов, связанных с различными подходами. В данной статье предпринята попытка кратко охарактеризовать основные из них и обозначить преимущества дискурсивного подхода [Locher, Watts, 2005; Mills, 2003; и др.], который существенным образом расширил исследовательскую парадигму. Он показал, что вежливость, как и невежливость, – категории не абсолютные, а относительные, они не выводятся по формальному признаку, а определяются адресатом в конкретном ситуативном и социокультурном контексте, и связаны как с со-

циальными, так и эмоциональными аспектами коммуникации.

В этой связи рассмотрены прагматические аспекты вежливости, ее соотношение с формальностью, неформальностью и грубостью, отдельное внимание уделено эмотивной вежливости.

Основные подходы к исследованию вежливости

Различные подходы к изучению вежливости свидетельствуют о неослабевающем интересе к данной категории и динамичном расширении ее исследовательской парадигмы. Помимо этикета, предписывающего определенные правила и нормы поведения, вежливость рассматривалась также как речевые максимы, представляющие собой модели эффективного поведения [Grice, 1975; Lakoff, 1973 и др.; Leech, 1983]. Используя один и тот же термин – «максима» (maxim) – ученые вкладывали в него разное значение. Максимы Грайса, составляющие принцип кооперации, касаются в основном того, как следует передавать информацию в повседневной коммуникации. Максимы / правила, предложенные Р. Лакофф и Дж. Личем, в большей степени сосредоточены на межличностных отношениях. Более того, Дж. Лич отмечал, что сформулированные им максимы не являются в одинаковой степени релевантными в разных культурах [Leech, 1983].

В своих последних работах Дж. Лич отказался от термина «максима», считая, что он подразумевает / содержит некий моральный императив, а не прагматическое ограничение [Leech, 2014]. Вместо этого он объединил все выделенные им ранее максимы (такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии) в общую стратегию вежливости (*General Strategy of Politeness*), состоящую из пяти соотносимых с максимами бинарных ограничений. В обобщенном виде она ориентирована на собеседника и сводится к следующему: чтобы быть вежливым, надо завышать значимость интересов адресата (его желаний, качеств, мнений, чувств) и занижать собственные интересы. Дж. Лич называл данную стратегию «супермаксимой», которая является всеобъемлющей основой

для исследования языковой вежливости в коммуникации, и предлагал параметры для изучения и объяснения ее вариативности [Leech, Larina, 2014, p. 9].

Среди подходов, имевших наибольшее число последователей, выделяется теория, основанная на рассмотрении вежливости как сохранении лица, представленная в монографической работе П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson, 1987]. Под «лицом» понимается социальный имидж человека, который можно «потерять», «сохранить» или «улучшить» [Brown, Levinson, 1987, p. 69]. В бесконфликтной коммуникации собеседники стараются поддержать лицо как свое, так и других и совершают для этого определенные действия (facework), которые включают в том числе и вежливость [Watts, 2003, p. 130].

Авторы данной теории выделяют два типа лица, соотносимые с желаниями человека: *негативное лицо* (negative face) как желание / потребность быть независимым и свободным в действиях и *позитивное лицо* (positive face) как потребность быть желаемым [Brown, Levinson, 1987, p. 62]. Другими словами, негативное лицо ориентировано на автономию и дистанцирование, позитивное – на сближение. Действия, которые противостоят данным желаниям, именуются «угрожающими лицу актами» (Face Threatening Acts) [Brown, Levinson, 1987; Leech, 2014; Watts, 2003]. Соответственно, акты, которые покушаются на независимость адресата, оказывая на него воздействие (например, приказ, просьба, предупреждение), угрожают негативному лицу; действия, которые указывают (потенциально) на то, что говорящий не принимает во внимание чувства адресата и не желает того, чего тот хочет, угрожают позитивному лицу (например, неодобрение, критика, жалоба, обвинение, оскорбление и др.) [Brown, Levinson, 1987, p. 66]. Для сохранения лица и поддержания эмоционального комфорта при реализации лицеугрожающих¹ актов нацеленные на сотрудничество участники взаимодействия используют соответствующие стратегии и тактики вежливости.

Предложенная П. Браун и С. Левинсоном система стратегий позитивной и негативной вежливости [Brown, Levinson, 1987], которые в силу их противоположной направленно-

сти предлагается также называть стратегиями сближения и стратегиями дистанцирования [Ларина, 2009; Leech, Larina, 2014], представляет собой ценный инструментарий, помогающий адекватно интерпретировать действия собеседника, а также эффективно реализовывать собственные коммуникативные намерения, что является несомненным достоинством данной теории. Однако, несмотря на широкое признание, она подвергалась и продолжает подвергаться критике. В обобщенном виде среди основных объектов критики можно выделить следующие: акцент на универсальном характере вежливости, рассмотрение лица с позиций исключительно индивидуалистической культуры, определение вежливости через косвенность (чем более косвенно выражается коммуникативное намерение собеседника, тем более вежливым оно является), сфокусированность на говорящем, игнорирование позиции адресата, а также не включение в поле исследования контекста и невежливости.

Следующий этап в развитии теории вежливости начался с применением дискурсивного подхода [Locher, Watts, 2005; Mills, 2003; Watts, 2003; и др.], обусловленного интересом к функционированию языка, а также возобладанием антропоцентрической парадигмы в лингвистике. В результате в центре внимания оказался не язык, а говорящий на нем человек с его эмоциями, коммуникативными установками, ценностями, отношением к себе и другим. Применение дискурсивного подхода позволило расширить понимание вежливости и уточнить целый ряд положений, которые представлялись неоднозначными и даже противоречивыми. Остановимся на данном подходе более подробно.

Дискурсивный подход к исследованию вежливости

Дискурсивный подход к изучению вежливости позволил существенным образом расширить исследовательское поле, включив в него адресата и контекст их взаимодействия (см., например: [Eslami et al., 2023; Locher, Watts, 2005; Locher, 2006; Mills, 2003; 2011; Rhee, 2023; Watts, 2003; и др.]). Он показал, что вежливость не может сводиться к описа-

нию этикетных формул, как и ограничиваться правилами и максимами, которые регламентируют и регулируют поведение говорящего, то есть носить исключительно прескриптивный характер. Более того, описание вежливости не может ограничиваться указанием на действия только говорящего, а должно включать слушающего, поскольку именно он определяет степень вежливости или невежливости обращенных к нему высказываний в определенном коммуникативном контексте. Таким образом, вежливость – это не объективное поведение, а его субъективная интерпретация, то есть его оценка собеседником.

Включив в поле исследования слушающего и контекст, в котором происходит взаимодействие, дискурсивный подход показал необходимость изучения коммуникации как процесса, а вежливости как развивающегося в этом процессе явления. Существенным импульсом к рассмотрению вежливости как динамичного социального явления стал реляционный подход, сфокусированный на том, какие действия совершают собеседники, выстраивая взаимоотношения друг с другом [Locher, Watts, 2005]. Как отмечает М. Лохэр, дискурсивный подход к вежливости подчеркивает, что для понимания существующих на данный момент норм взаимодействия прежде всего необходимо установить, какой вид «реляционной работы» (relational work) совершают собеседники [Locher, 2006, p. 262]. Поскольку в процессе общения коммуниканты вынуждены корректировать свое поведение, можно говорить о вежливости как о гибкой системе стратегий.

Включение в исследовательское поле контекста показало, что представления о (не)вежливости могут значительно отличаться в различных социальных группах и культурах. Они определяются социальными параметрами, существующими в данной группе ценностями, которые в свою очередь формируют социальную и культурную идентичность. Проявления этнической идентичности наблюдаются на всех уровнях языка, а также в понимании (не)вежливости, в выборе коммуникативных стратегий и в дискурсивных практиках [Larina, Ozyumenko, Kurtěš, 2017; Eslami, Larina, Pashmforoosh, 2023], которые формируют этнокультурные черты стилей коммуникации в целом.

Вежливость в кросс-культурном контексте

Многочисленные исследования убедительно доказали, что вежливость категория не абсолютная, а относительная, не только универсальная, но и культурно-специфичная. Несмотря на универсальный характер она в разных культурах понимается и выражается по-разному в соответствии с их ценностями и традициями (см., например: [Алпатов, 2011; Брагина, 2024; Ларина, 2009; Ратмайр, 2003; Kádár, Haugh, 2013; Mugford, 2020; Sifianou, 1992; Watts, 2003; и др.]).

Понятие «вежливость», как и само это слово, которое обладает культурной семантикой, проявляющейся в его толковании и этимологии [Watts, 2003, p. 32], также неоднозначно. В кросс-культурном контексте представляется неприемлемым традиционное понимание вежливости как уважения и внимания к другим, поскольку данные понятия также обладают культурной спецификой. Это может быть, например, уважение как подчеркивание статусных различий или уважение как демонстрация равенства, внимание как дистанцирование или внимание как сближение.

Различия в концептуализации вежливости представителями различных лингвокультур предопределяются доминирующими культурными ценностями, которые в свою очередь связаны с основными параметрами социокультурной организации общества – горизонтальной и вертикальной дистанцией. В результате в культурах со значительной горизонтальной дистанцией и незначительной вертикальной вежливость ориентирована на уважение независимости и личного пространства собеседника, с одной стороны, и демонстрацию равенства – с другой (примером могут быть англосаксонские культуры). Там же, где горизонтальная дистанция небольшая, но при этом ярко выраженной является вертикальная дистанция, в основе вежливости лежат подчеркивание близости и в то же время демонстрация статусных различий, уважения к возрасту и/или статусу адресата (что характерно для восточных культур) (см., например: [Ларина, Камех Хош, 2021; Zhou, Larina, 2024]).

Рассмотрение вежливости через призму социокультурного контекста позволяет понять многие этнокультурные особенности поведения: почему, например, в британских университетах студенты могут обратиться к пожилому профессору по имени (*Hi, Tom*), а в корейской семье такое обращение не допустимо даже к брату, если он старше всего на один год или даже на несколько минут, если он брат-близнец [Yoon, 2007]; почему во многих мусульманских культурах термины родства используются при обращении к незнакомым, а обращение по имени может быть воспринято как невежливость даже среди членов семьи [Khalil, Larina, 2024] и т. д.

(Не)вежливость и (не)формальность

Дискурсивный подход к рассмотрению категории вежливости убедительно доказал, что вежливость не следует смешивать с формальностью, хотя подобное смешение наблюдается в понимании вежливости как носителями языка, так и лингвистами. Н.И. Формановская, например, отмечала, что такие приветствия, как *Здорово, мужички!* или *Привет, Тань!*, не входят в поле вежливости, поскольку не обладают свойством «эксплицировать почтительность, галантность, корректность, особую меру уважительности» [Формановская, 1998, с. 256]. Как видим, здесь вежливость сводится исключительно к формальности, хотя сам акт приветствия никак не может противоречить вежливости и в контексте неформального дружеского общения в русской культуре выражение «почтительности» и «особой меры уважительности» вряд ли было бы уместным и оценивалось адресатом как вежливость.

Разграничению вежливости и формальности способствовала высказанная Дж. Ли-чем идея об абсолютной и относительной вежливости [Leech, 1983]. Первая определяется вне контекста, то есть исключительно на уровне семантики. Вторая учитывает контекст, в котором происходит общение, то есть рассматривается на уровне прагматики. В результате вежливая по форме фраза в дружеской ситуации может быть интерпретирована

как недоброжелательная и ироничная, а неформальная и даже грубая – как не противоречащая вежливости, если она является уместной в определенном контексте и интерпретируются адресатом как демонстрация близости, интимности и дружелюбия [Ларина, 2020, с. 105], как, например, приветствие *Привет, Тань!*, которое упоминалось выше. Позже Дж. Лич называет абсолютную вежливость «прагмалингвистической», а относительную – «социопрагматической» [Leech, 2014, p. 15].

Таким образом, (не)формальность соотносится с формой высказывания, в то время как вежливость – с его прагматическим значением, с интерпретацией высказывания адресатом в конкретном социокультурном контексте. (Не)формальность мы рассматриваем как стилистическую черту дискурса, которая имеет социальный характер, как «социально-прагматический дейксис, индексирующий степень социальной дистанции между говорящим и его адресатом и характер их взаимоотношений в конкретном социокультурном контексте» [Ларина, 2020, с. 101].

Дискурсивный подход показал, что вежливость необязательно должна быть формальной, а неформальность и грубость не всегда противоречат вежливости, которая в свою очередь может быть как формальной, так и неформальной и даже грубой [Ларина, 2020]. Степень (не)формальности зависит как от ситуативного контекста, так и от коммуникативных ценностей социокультурной группы, которые, как уже было отмечено, наряду с контекстом предопределяют выбор стратегий вежливости. Так, приведенное выше обращение студента к пожилому профессору *Hi, Tom* в британском контексте является примером неформальной вежливости, основанной на такой коммуникативной ценности, как равенство. Обращение *ni* (ты) к преподавателю в китайском контексте, которое допускается наряду с *nin* (Вы), также не понижает степени вежливости, а выражает особую близость к преподавателю, который воспринимается не только как учитель, но и как отец, что является важной чертой китайской «семейной» культуры [Zhou, Larina, 2024].

Таким образом, как уже ранее отмечалось, «вежливость – это соблюдение оптимального баланса, равновесия между дистантностью и близостью, между формальностью и фамильярностью, который является ситуативно и культурно вариативным, то есть точка этого равновесия варьируется не только в зависимости от конкретного коммуникативного контекста, но и от типа культуры в целом» [Ларина, 2009, с. 185]. Другими словами, для успешной коммуникации важно не оказаться ни чрезмерно фамильярным, ни излишне формальным.

Дискурсивный подход к анализу вежливости включил в исследовательское поле невежливость и грубость (см., например: [Bousfield, 2008; Culpeper, 2011; и др.]). Как отмечалось ранее [Ларина, 2020], интерес к невежливой и грубой речи можно объяснить несколькими факторами: широким взглядом на реальную коммуникацию, где нормы не только соблюдаются, но и нарушаются; стилистическим сдвигом в сторону неформальности и огрубления речи, который наблюдается в разных лингвокультурах в результате демократизации; эмоциональным поворотом в лингвистике, а также ростом конфликтогенности и агрессивности в обществе. Отметим, что невежливость, как и вежливость, являются культурно-специфичными категориями. Как свидетельствуют многочисленные исследования, то, что вежливо в одной культуре, может быть невежливо в другой, и наоборот.

Таким образом, невежливость нельзя ассоциировать исключительно с неформальностью и грубостью, как и вежливость – с формальностью и учтивостью. Вежливые по форме высказывания могут не восприниматься таковыми в несоответствующих для них контекстах, а неформальные и даже грубые по форме высказывания далеко не всегда противоречат вежливости.

Справедливости ради следует отметить, что о разных стилистических типах вежливости – формальной вежливости, неформальной и интимной – писала еще Р. Лакофф [Lakoff, 1973], связывая их с предложенными ею правилами вежливости. Однако они имели несколько ограниченный и противоречивый характер.

Эмотивная вежливость

Вежливость связана с этикой поведения, которая касается не только социального имиджа, но и чувств и эмоций собеседника. Эмоции, как правило, регулярно сопровождают невежливую и грубую коммуникацию [Culpeper, 2011] в ситуации конфликта, однако и в неконфликтной ситуации их может вызвать игнорирование собеседника или его интересов, недостаточное внимание к его чувствам. Ориентированность на чувства адресата, эмоциональная / эмотивная² чувствительность к его лицу является одним из факторов вежливого взаимодействия. Стратегии позитивной вежливости нацелены на усиление и даже преувеличение интереса и симпатии к собеседнику [Brown, Levinson, 1987; Ларина, 2009, с. 311], чтобы вызвать у него положительные эмоции. Как уже отмечалось, одна из составляющих общей стратегии вежливости Дж. Лича включает внимание к эмоциям адресата, которые говорящий должен ставить выше собственных [Leech, 2014, p. 91; Leech, Larina, 2014, p. 18].

Тесная взаимосвязь эмоций и вежливости позволяет говорить об «эмотивной вежливости», которую мы определяем как «эмоциональную / эмотивную чувствительность, ориентированность на чувства других, этичность в проявлении собственных чувств и эмоций, оказание коммуникативной поддержки собеседнику» [Ларина, 2019, с. 41]. Имеется в виду эмоциональная / эмотивная поддержка, нацеленная на то, чтобы вызвать у собеседника позитивные эмоции, например, при выражении благодарности или при прощении [Larina, 2025], а в случае необходимости совершить угрожающий лицу акт, такой как критика или отказ, снизить его отрицательное воздействие на адресата [Ларина, 2019; 2025]. Таким образом, если категория вежливости в целом выступает регулятором коммуникативного поведения [Ларина, 2009, с. 166], то эмотивная вежливость – это регулятор эмоционального взаимодействия путем оказания эмоциональной поддержки адресату, выражения эмпатии, смягчения действий, которые могут вызвать негативные чувства и реакции (обиду, разочарование, огорчение и др.). Соответственно, эмотивная невежливость, наблюдается там, где не учтены интересы адресата, задеты его

чувства, вызванные действием (осознанным или неосознанным) или бездействием другого. Это, например, отсутствие приветствия, благодарности, похвалы или извинения там, где они ожидались, и прямая критика или отказ, нанесение оскорбления и т. д.

Эмотивная вежливость, как уже ранее отмечалось, ориентирована на «позитивные формы общения» [Ионова, 2015] и «позитивную коммуникацию» [Леонтович, 2015; Леонтович и др., 2020], которую исследователи определяют как «благоприятную, эффективную, конструктивную, выражающую положительную интенцию, оптимизм, психологическую поддержку собеседника, настрой на положительный исход общения, прогресс и развитие» [Леонтович, 2015, с. 167]. Она во многом коррелирует с позитивной вежливостью, направленной на «удовлетворение желания каждого быть замеченным, понятым, услышанным, любимым» [Ларина, 2009, с. 308], но не ограничивается ею. Особенно наглядно это проявляется в лицеугрожающих речевых актах, таких как, например, отказ и критика [Larina, Ponton, 2022; Litvinova, Larina, 2023], где для смягчения негативного воздействия на эмоции адресата используются стратегии как позитивной, так и негативной вежливости.

При этом следует отметить, что, как и вежливость в целом, эмотивная вежливость обладает этнокультурной спецификой и ее востребованность в коммуникации может быть различной, что наблюдается при сопоставлении различных речевых актов и жанров. Так, анализ жанра рецензии на научную статью [Larina, Ponton, 2020; 2022] показал, что английские рецензенты в большей степени ориентированы на смягчение своего отрицательного мнения и отказа в публикации, чем русские. Они предпринимают значительные коммуникативные усилия, нацеленные на оказание эмоциональной поддержки адресату, что проявляется в структуре отказа, в используемых поддерживающих ходах и стратегиях вежливости. Русскоязычные рецензенты, напротив, концентрируют свое внимание не столько на форме выражения оценки, сколько на анализе статьи и ее качестве и демонстрируют меньшую эмоциональную чувствительность к адресату. Данные различия в целом соотносятся с этнокультурными особенностями

ми английского и русского стилей коммуникации и выступают очередным свидетельством того, что русский стиль в большей степени ориентирован на содержание и информативность, английский – на форму и эмотивность [Ларина, 2009]. В результате эмотивная вежливость в большей степени характерна для английской (англосаксонской) коммуникативной культуры, чем русская.

Заключение

В данной статье обобщены результаты ряда исследований и продемонстрировано, как дискурсивный подход расширил понимание вежливости и раздвинул рамки ее изучения. Он показал, что вежливость не ограничивается этикетными формулами, правилами и максимами, которые регламентируют и регулируют поведение говорящего, а включает также элементы, которые не всегда соответствуют норме, закрепленной этикетом.

Вежливость является регулятором коммуникативного поведения, при этом она представляет собой гибкую систему стратегий, отбираемых собеседниками в соответствии с их коммуникативными намерениями, контекстом общения и его возможной модификацией.

В результате с точки зрения стиля вежливость может быть формальной, неформальной и даже грубой. Она имеет относительный характер и представляет собой не объективное поведение, а его субъективную интерпретацию адресатом.

Вежливость, как и невежливость, связана с эмоциональным аспектом коммуникации, что позволяет говорить об эмотивной вежливости, ориентированной на чувства других. Являясь, как и вежливость в целом, универсальной категорией, она обладает этнокультурными особенностями, предопределяемыми социокультурными параметрами и ценностями.

Дискурсивный подход к исследованию вежливости, включающий контекст и адресата, способствовал преодолению ряда ограничений, характерных для предыдущих подходов. Он существенно расширил рамки теории вежливости, дав новый импульс ее развитию, и продемонстрировал эффективность дискурс-анализа как междисциплинарной методологии изучения использования и функционирования языка.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мы продолжаем настаивать, что именно так их следует именовать: *лицеугрожающие*, а не *коугрожающие* (см.: [Ларина, 2025]).

² Здесь и далее используется двоякий термин, поскольку речь идет об эмотивных действиях говорящего, нацеленных на поддержание эмоционального состояния слушающего (подробно см.: [Ларина, 2009; 2019]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В. М., 2011. Категории вежливости в современном японском языке. Изд. 4-е. М.: УРС. 110 с.
- Брагина Н. Г., 2024. Категория вежливости: русские императивные речевые клише в диалоге // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 15, № 3. С. 219–233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Ионова С. В., 2015. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Russian Journal of Linguistics. № 1. С. 20–30.
- Иссерс О. С., 2023. Бестактный вопрос как коммуникативная проблема русской речевой культуры // Русский язык за рубежом. № 5. С. 22–30. DOI: 10.37632/PL.2023.300.5.003
- Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Яз. слав. культур. 512 с.
- Ларина Т. В., 2019. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в жанре английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. № 1 (39). С. 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57
- Ларина Т. В., 2020. Соотношение формальности, неформальности, вежливости, невежливости и грубости с позиции прагматики и дискурс-анализа // Cuadernos de Rusística Española. № 16. С. 99–114. DOI: 10.30827/cre.v16i0.15424
- Ларина Т. В., 2025. Эмотивная вежливость в лицеугрожающих речевых актах: кросс-культурный аспект // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 16, № 2. С. 118–135. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-7
- Ларина Т. В., Камех Хош Н. 2021. Культурные ценности и понимание вежливости в британской, русской и персидской лингвокультурах // Русский язык за рубежом № 2. С. 10–18. DOI: 10.37632/PL.2021.285.2.002
- Леонтович О. А., 2015. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Russian Journal of Linguistics. № 1. С. 164–177.

- Леонтович О. А., 2023. Магия вежливости или диктат политической корректности? Соотношение понятий // *Русский язык за рубежом*. № 5. С. 16–21. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.002
- Леонтович О. А., Гуляева М. А., Лунёва О. В., Соколов М. С., 2020. Позитивная коммуникация. М. : Гнозис. 296 с.
- Ратмайр Р., 2003. Прагматика извинения : Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араповой. М. : Яз. слав. культуры. 272 с.
- Формановская Н. И., 1998. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М. : ИКАР. 291 с.
- Bousfield D., 2008. *Impoliteness in Interaction*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. 281 p.
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge : Cambridge University Press. 345 p.
- Culpeper J., 2011. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge : CUP. 292 p.
- Grice P., 1975. *Logic and Conversation* // *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. N. Y. : Academic Press. P. 41–58.
- Eslami Z. R., Larina T. V., Pashmforoosh R., 2023. Identity, Politeness and Discursive Practices in a Changing World // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 27, № 1. P. 7–38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051
- Kádár D., Haugh M., 2013. *Understanding Politeness*. Cambridge : Cambridge University Press. 306 p. DOI: 10.1017/CBO9781139382717
- Khalil A. A., Larina T. V., 2024. “Whose Father Are You?” Arabic Teknonyms in a Socio-Pragmatic Perspective // *Language and Communication*. Vol. 97, iss. 2. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.langcom.2024.04.001
- Lakoff P., 1973. The Logic of Politeness, or, Minding Your P’s and Q’s // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago : [s. n.]. P. 292–305.
- Larina T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. Vol. 7, № 5. P. 195–215.
- Larina T., 2025. Emotive Politeness and Communicative Styles: Leave-Taking in British and Russian Interpersonal Interaction // *The Sociopragmatics of Emotion*. Cambridge : Cambridge University Press. P. 171–193.
- Larina T. V., Ozyumenko V. I., Kurteš S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse: Anglo-Slavonic Perspectives // *Lodz Papers in Pragmatics*. Vol. 13, № 1. P. 109–128. DOI: 10.1515/lpp-2017-0006
- Larina T., Ponton D. M., 2020. Tact or Frankness in English and Russian Blind Peer Reviews // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 17, iss. 4. P. 471–496. DOI: 10.1515/ip-2020-4004
- Larina T., Ponton D. M., 2022. I Wanted to Honour Your Journal, and You Spat in My Face: Emotive (Im)Politeness and Face in the English and Russian Blind Peer Review // *Journal of Politeness Research*. Vol. 18, № 1. P. 201–226. DOI: 10.1515/pr-2019-0035
- Leech G., 1983. *Principles of Pragmatics*. L. ; N. Y. : Longman. 257 p.
- Leech G., 2014. *The Pragmatics of Politeness* (Oxford Studies in Sociolinguistics). Oxford : Oxford University Press. 368 p.
- Leech G., Larina T., 2014. Politeness: West and East // *Russian Journal of Linguistics*. № 4. P. 9–34.
- Leontovich O. A., Nikitina A. V., 2024. Communication Monitoring as a Politeness Mechanism // *Training, Language and Culture*. Vol. 8, № 3. P. 62–72. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-62-72
- Litvinova A. V., Larina T. V., 2023. Mitigation Tools and Politeness Strategies in Invitation Refusals: American and Russian Communicative Cultures // *Training, Language and Culture*. Vol. 7, № 1. P. 116–130. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130
- Locher M., 2006. Polite Behaviour Within Relational Work: The Discursive Approach to Politeness // *Multilingua*. Vol. 25, № 3. P. 249–267.
- Locher M., Larina T., 2019. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 23, № 4. P. 873–903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903
- Locher M., Watts R., 2005. Politeness Theory and Relational Work // *Journal of Politeness Research*. Vol. 1, № 2. P. 9–33.
- Mills S., 2003. *Gender and Politeness*. Cambridge : Cambridge University Press. 270 p.
- Mills S., 2011. Discursive Approaches to Politeness and Impoliteness // *Discursive Approaches to politeness*. [S. l.] : Mouton de Gruyter. P. 19–56.
- Mugford G., 2020. Mexican Politeness: An Empirical Study on the Reasons Underlying/Motivating Practices to Construct Local Interpersonal Relationships // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 24, № 1. P. 31–55. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-31-55
- Rhee S., 2023. Politeness and Impoliteness in Social Network Service Communication in Korea // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 27, № 1. P. 39–66. DOI: 10.22363/2687-0088-32031
- Sifianou M., 1992. *Politeness Phenomena in England and Greece*. Oxford : Clarendon. 254 p.
- Watts R., 2003. *Politeness*. Cambridge : CUP. 318 p.

- Yoon K., 2007. My Experience of Living in a Different Culture: The Life of a Korean Migrant in Australia // *Translating Lives: Living with Two Languages and Cultures*. Australia : UQP. P. 114–127.
- Zhou Q., Larina T.V., 2024. Power and Solidarity in Pronominal Forms of Address: A Case Study of Chinese and Russian Teacher-Student Interactions // *Training, Language and Culture*. Vol. 8, № 1. P. 87–100. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-1-87-100

REFERENCES

- Alpatov V.M., 2011. *Kategorii veshlivosti v sovremennom yaponskom yazyke* [Categories of Politeness in Modern Japanese]. Moscow, URS. 110 p.
- Bragina N.G., 2024. Kategoriya veshlivosti: russkie imperativnye rechevye klishe v dialoge [Category of Politeness: Russian Imperative Speech Clichés in Dialogue]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 15, no. 3, pp. 219-233. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-13
- Ionova S.V., 2015. Emotsionalnye efekty pozitivnoy formy obshcheniya [Emotional Effects of the Positive Form of Communication]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 20-30.
- Issers O.S., 2023. Bestaktnyy vopros kak kommunikativnaya problema russkoy rechevoy kultury [Tactless Question as a Communicative Problem in Russian Speech Culture]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 22-30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003
- Larina. T.V., 2009. *Kategoriya veshlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguacultural Traditions]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 512 p.
- Larina T.V., 2019. Emotivnaya ekologichnost i emotivnaya veshlivost v zhanre angliyskoy i russkoy anonimnoy retsenzii [Emotive Ecology and Emotive Politeness in the Genre of English and Russian Anonymous Reviews]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 1 (39), pp. 38-57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57
- Larina T.V., 2020. Sootnoshenie formalnosti, neformalnosti, veshlivosti, neveshlivosti i grubosti s pozitsii pragmatiki i diskurs-analiza [Correlation of Formality, Informality, Politeness, Impoliteness and Rudeness: Discourse-Pragmatic Perspective]. *Cuadernos de Rusística Española*, no. 16, pp. 99-114. DOI: 10.30827/cre.v16i0.15424
- Larina T.V., 2025. Emotivnaya veshlivost v litse ugrozhayushchikh rechevykh aktakh: kross-kulturnyy aspekt [Emotive Politeness in Face-Threatening Speech Acts: A Cross-Cultural Perspective]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 16, no. 2, pp. 118-135. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-7
- Larina T.V., Kameh Khosh N., 2021. Kulturnye tsennosti i ponimanie veshlivosti v britanskoy, russkoy i persidskoy lingvokulturakh [Cultural Values and Understanding of Politeness in British, Russian and Persian Lingua-Cultures]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 2, pp. 10-18. DOI: 10.37632/PI.2021.285.2.002
- Leontovich O.A., 2015. Pozitivnaya kommunikatsiya: postanovka problemy [Positive Communication: Problem Statement]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 164-177.
- Leontovich O.A., 2023. Magiya veshlivosti ili diktat politicheskoy korrektnosti? Sootnoshenie ponyatiy [Magic of Politeness or Dictate of Political Correctness? Correlation of Concepts]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 16-21. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.002
- Leontovich O.A., Gulyaeva M.A., Luneva O.V., Sokolov M.S., 2020. *Pozitivnaya kommunikatsiya* [Positive Communication]. Moscow, Gnozis Publ. 296 p.
- Ratmayr R., 2003. *Pragmatika izvineniya: Sravnitelnoe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoy kultury* [Pragmatics of Apology: A Comparative Study Based on the Russian Language and Russian Culture]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 272 p.
- Formanovskaya N.I., 1998. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniya* [Communicative-Pragmatic Aspects of Units of Communication]. Moscow, IKAR Publ. 291 p.
- Bousfield D., 2008. *Impoliteness in Interaction*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. 281 p.
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 345 p.
- Culpeper J., 2011. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge, CUP. 292 p.
- Grice P., 1975. Logic and Conversation. *Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts*. New York, Academic Press, pp. 41-58.
- Eslami Z.R., Larina T.V., Pashmforoosh R., 2023. Identity, Politeness and Discursive Practices in

- a Changing World. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 1, pp. 7-38. DOI: 10.22363/2687-0088-34051
- Kádár D., Haugh M., 2013. *Understanding Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press. 306 p. DOI: 10.1017/CBO9781139382717
- Khalil A.A., Larina T.V., 2024. "Whose Father Are You?" Arabic Teknonyms in a Socio-Pragmatic Perspective. *Language and Communication*, vol. 97, iss. 2, pp. 1-12. DOI: 10.1016/j.langcom.2024.04.001
- Lakoff P., 1973. The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago, s.n., pp. 292-305.
- Larina T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, vol. 7, no. 5, pp. 195-215.
- Larina T., 2025. Emotive Politeness and Communicative Styles: Leave-Taking in British and Russian Interpersonal Interaction. *The Sociopragmatics of Emotion*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 171-193.
- Larina T.V., Ozyumenko V.I., Kurteš S., 2017. I-Identity vs We-Identity in Language and Discourse: Anglo-Slavonic Perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, vol. 13, no. 1, pp. 109-128. DOI: 10.1515/lpp-2017-0006
- Larina T., Ponton D.M., 2020. Tact or Frankness in English and Russian Blind Peer Reviews. *Intercultural Pragmatics*, vol. 17, iss. 4, pp. 471-496. DOI: 10.1515/ip-2020-4004
- Larina T., Ponton D.M., 2022. I Wanted to Honour Your Journal, and You Spat in My Face: Emotive (Im)Politeness and Face in the English and Russian Blind Peer Review. *Journal of Politeness Research*, vol. 18, no. 1, pp. 201-226. DOI: 10.1515/pr-2019-0035
- Leech G., 1983. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman. 257 p.
- Leech G., 2014. *The Pragmatics of Politeness (Oxford Studies in Sociolinguistics)*. Oxford, Oxford University Press. 368 p.
- Leech G., Larina T., 2014. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, no. 4, pp. 9-34.
- Leontovich O.A., Nikitina A.V., 2024. Communication Monitoring as a Politeness Mechanism. *Training, Language and Culture*, vol. 8, iss. 3, pp. 62-72. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-3-62-72
- Litvinova A.V., Larina T.V., 2023. Mitigation Tools and Politeness Strategies in Invitation Refusals: American and Russian Communicative Cultures. *Training, Language and Culture*, vol. 7, iss. 1, pp. 116-130. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130
- Locher M., 2006. Polite Behaviour Within Relational Work: The Discursive Approach to Politeness. *Multilingua*, vol. 25, iss. 3, pp. 249-267.
- Locher M., Larina T., 2019. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, iss. 4, pp. 873-903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903
- Locher M., Watts R., 2005. Politeness Theory and Relational Work. *Journal of Politeness Research*, vol. 1, iss. 2, pp. 9-33.
- Mills S., 2003. *Gender and Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press. 270 p.
- Mills S., 2011. Discursive Approaches to Politeness and Impoliteness. *Discursive Approaches to Politeness*. S.I., Mouton de Gruyter, pp. 19-56.
- Mugford G., 2020. Mexican Politeness: An Empirical Study on the Reasons Underlying/Motivating Practices to Construct Local Interpersonal Relationships. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 1, pp. 31-55. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-1-31-55
- Rhee S., 2023. Politeness and Impoliteness in Social Network Service Communication in Korea. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 1, pp. 39-66. DOI: 10.22363/2687-0088-32031
- Sifianou M., 1992. *Politeness Phenomena in England and Greece*. Oxford, Clarendon. 254 p.
- Watts R., 2003. *Politeness*. Cambridge, CUP. 318 p.
- Yoon K., 2007. My Experience of Living in a Different Culture: The Life of a Korean Migrant in Australia. *Translating Lives: Living with Two Languages and Cultures*. Australia, UQP, pp. 114-127.
- Zhou Q., Larina T.V., 2024. Power and Solidarity in Pronominal Forms of Address: A Case Study of Chinese and Russian Teacher-Student Interactions. *Training, Language and Culture*, vol. 8, iss. 1, pp. 87-100. DOI: 10.22363/2521-442X-2024-8-1-87-100

Information About the Author

Tatiana V. Larina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, Moscow, Russia, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>